

Примечание автора

Просто чтоб вы знали: я изменила имена людей, так же как и многие личные детали, некоторые места действия. И к тому же опустила наиболее скучные подробности судебного процесса ради более динамичного повествования. Все описываемые события произошли до того, как я вышла замуж, поэтому моя девичья фамилия — Джонсон — используется на протяжении всей истории.

— Раз, два, три!
Свет вспышки был ослепительно-ярким. Мне приказали снять очки для фото, и некоторое время я ничего не видела. Я не мыла голову трое суток, и, поскольку меня арестовали, разбудив и вытащив прямо из постели, тот снимок, который вскоре появится во всех газетах и местных новостных телепрограммах, вероятно, будет таким же ужасным, как и преступления, с которых началась вся эта драма.

— Я сниму с вас наручники — ненадолго, чтобы вы смогли снять украшения и сложить их в этот пакет. Потом вы войдете вот в эту камеру, да, прямо в эту, — служащая полиции ткнула пальцем в нужном направлении, — и переодеетесь. Похоже, размер у вас большой, так что вот, берите эти, — проговорила она, протягивая мне брюки и блузу из полиэстера. Потом сунула руку в ближайшую корзину и выудила оттуда пару резиновых шлепанцев.

— Это ваша новая обувь. Носить ее нужно постоянно, в том числе когда будете принимать душ. Не потеряйте. — Она сунула шлепанцы в охапку вещей, которые уже были у меня в руках, и подтолкнула к камере. Я изо всех сил старалась не думать о чужих ногах, уже носивших эту резину, но, несмотря на все старания, мысль о том, сколько разно-

ТИФФАНИ ДЖЕНКИНС

образных видов бактерий вскоре поселится на коже между моими пальцами, неотвязно преследовала меня.

Я подпрыгнула от испуга, когда металлическая дверь с грохотом захлопнулась за спиной. В этом помещении было темно, и острый запах мочи буквально сбивал с ног. Я задержала дыхание и быстро сбросила свою одежду, прежде чем натянуть выданный форменный костюм. Сразу возникло ощущение, будто я нарядилась в картон. Женщина-полицейский наблюдала через окошко и открыла дверь, как только я оделась.

— Сложите свои вещи сюда. — Она протянула коричневый бумажный пакет, и я, бросая внутрь свои пожитки, провожала их взглядом. У меня упало сердце, когда она закрыла пакет и передала его другой помощнице. Моя одежда перестала мне принадлежать; теперь она в собственности округа. — Идемте, вас ждет встреча с медсестрой, она возьмет кровь на анализ и проведет тест на беременность.

Я взмолилась о том, чтобы оказаться беременной. Может быть, тогда они отпустят меня домой.

Домой. Я даже не знала, где теперь мой дом. И уж точно не могла вернуться туда, где прежде жила. Более того, к этому моменту мои вещи были, вероятнее всего, уже собраны и выставлены за дверь.

Сидя на холодном металлическом стуле напротив медсестры, я вдруг поняла, как погано себя чувствую — физически. Сиденье было ледяным, однако я почему-то обливалась потом. Кости начало ломить, а глаза непроизвольно слезились. Мне было плохо.

— Итак, мисс... Джонсон. Я сейчас возьму пару анализов, но вначале задам вам ряд вопросов, — сказала медсестра, беря в руки планшет. — Имя?

ЧИСТЫЙ КАЙФ

— Тиффани Джонсон.

— Возраст?

— Двадцать семь лет.

— Вес?

— Кхм... Наверное, около восьмидесяти?

— Какие-нибудь лекарства в настоящее время принимаете?

Я замешкалась. Она глянула на меня и повторила вопрос:

— Какие-нибудь лекарства в настоящее время принимаете? Да или нет?

— Да.

— Какие лекарства?

Я поглубже вдохнула и начала:

— Дилаудид, оксикодон, оксиконтин, ксанакс, перкосет, лортаб, викодин и марихуану. Не уверена, что последнее можно считать лекарством, но...

— Хорошо. И скажите, назвали бы преступления, в которых вас обвиняют, «шокирующими по своей природе»?

— Да. Да, назвала бы.

Она посмотрела на меня поверх очков, опустила ручку и оперлась спиной на спинку кресла.

— Ладно, обычно я этого не делаю, но вы разожгли мой интерес. Не могли бы вы сказать мне, почему считаете свои преступления столь шокирующими по своей природе?

Рассказывая о случившемся, я видела, как выражение ее лица менялось — растерянность перешла в потрясение, которое сменило отвращение, потом снова растерянность, —

*Домой. Я даже
не знала,
где теперь мой дом.*

ТИФФАНИ ДЖЕНКИНС

и она наклонилась вперед, чтобы перепроверить что-то в своем планшете.

— Так, ладно, я сказала бы, что это определенно можно считать шокирующим по своей природе... — пробормотала она, силясь снова сосредоточиться.

Потом откашлялась и нервно глянула на меня, набрасывая заметки.

— Хорошо, поскольку вам явно предстоит острая реакция отмены опиатов, мы пару дней подержим вас в медчасти, прежде чем переводить в общий блок тюрьмы. Там мы сможем отслеживать ваше состояние, чтобы убедиться, что вы проходите безопасную детоксикацию. Я сейчас только быстро возьму анализы, а потом вас отведут вниз.

Я пристально смотрела, как она готовила шприц, и мой желудок при виде этого зрелища сложился вдвое. Ладони вспотели, и внезапно мне показалось, что я вот-вот лопну. По коже бегали мурашки, ноги пустились в пляс. Прошло всего двадцать часов после моего последнего «прихода», а я уже чувствовала себя дерьмово. А будет еще дерьмовее.

Женщина-полицейский не сказала ни слова, ведя меня в камеру. Она отодвинула тяжелую металлическую створку и захлопнула ее за мной, отчего я снова подскочила на месте. Подумалось, что я вряд ли когда-нибудь смогу к этому привыкнуть. Я обернулась, чтобы спросить ее, когда мне предоставят положенный телефонный звонок, — как показывают в кино, — но она уже ушла. Тогда я отвернулась от двери и провела инвентаризацию своей крохотной камеры. Там был металлический унитаз, металлическая раковина, рулон туалетной бумаги и большая пластиковая лохань

ЧИСТЫЙ КАЙФ

на полу; по всей видимости, я должна была положить тот пластиковый матрас, который свернутым держала в руках, внутрь лохани и спать в ней.

Вдруг что-то мазнуло меня по ноге, и от испуга я испустила дикий вопль, прозвучавший так, будто кого-то убивали. И только тогда заметила, что я не одна. На полу слева от меня стояла другая лохань, и она была занята. Женщина, лежавшая в ней, была с головы до ног закутана в шерстяное одеяло, укрыта им полностью. Видны были только очертания ее тела.

Я молча положила свой матрас в лохань рядом с этой таинственной личностью и улеглась. Абстиненцию мне предстояло пережить в тюрьме, и осознание, что я на самом деле стала заключенной, начало потихоньку проникать в разум. Я пялилась на очертания тела своей сокамерницы, казалось, целую вечность, пытаюсь представить себе, с какой именно преступницей меня заперли в одном крохотном помещении. Процесс размышлений был прерван громким щелчком, и дверь нашей камеры отворилась. Заключенная в форме в красную полоску толчком пустила к нам по полу два подноса и торопливо захлопнула дверь. Я не успела даже рассмотреть, что там лежало на подносе, как шерстяное одеяло отлетело в сторону. Моя сокамерница резко села и уставилась на меня.

Ох ты ж дерьмо, оно проснулось. Не паниковать, подумала я, стесненно улыбнувшись.

Прошло всего двадцать часов после моего последнего «прихода», а я уже чувствовала себя дерьмово. А будет еще дерьмовее.

ТИФФАНИ ДЖЕНКИНС

— Ты ужин свой лопать буш? — спросила она, свирепым взглядом прожигая дыру в моей душе.

— Ой, э-э... привет. Я Тиффани. Не знаю... В смысле я не настолько проголо... Да я еще и не думала об этом, а что? — пробормотала я, пытаюсь заставить голос звучать хладнокровно и скрыть ужасную панику.

— Патамушта если ты не буш, я тада шьем, — договорила она, не разрывая визуального контакта. Мы могли бы быть близнецами, если бы не тот факт, что у нее не осталось

Я была напугана до ужаса и пересмотрела на своем веку достаточно фильмов, чтобы понимать, что тюремные драки — явление такое же частое, как грязь.

ни одного зуба, зато были струпья по всему лицу. Мое сердце бешено заколотилось, когда я заметила татуировку у нее на шее. Она была похожа на какой-то символ, возможно, знак принадлежности к банде. Вот дерьмо, меня заперли в одной камере с бандиткой. Это уже слишком!

— А, ну ладно, — нервно проговорила я. — Конечно, пожалуйста, я так-то не голодная. На самом деле я не

большая любительница поесть, так что...

Ни секунды не медля, она метнулась за подносами и уволокла их в свое гнездо, словно дикий зверь. Желая избежать неловкости, я легла в свою пластиковую лохань и сомкнула веки. Было ясно, что уснуть не получится; слишком уж мне было плохо. Заняться было абсолютно нечем, поэтому я то закрывала глаза, то просто смотрела в потолок. Лежала и прислушивалась к омерзительным звукам, с которыми соседка пожирала мой ужин. В какой-то момент они прекратились.

ЧИСТЫЙ КАЙФ

— Дай-ка позырить на сиськи.

Я вытаращила глаза и повернулась, чтобы посмотреть, с кем она разговаривает. Она пристально смотрела на меня.

— Прости, что ты сказала? — переспросила я. Наверное, я не расслышала — может быть, она сказала «сосиски»... А что, вдруг тут есть сосиски? Пожалуйста, пусть тут будут сосиски!

— Твои сиськи, дай мне на них позырить, — сказала она с каменным лицом, глядя прямо мне в глаза.

И вот будь вы на моем месте, что бы вы сказали? *Да пошла ты? Ни за что? Ты, чокнутая, оставь меня в покое?* Однако я была напугана до ужаса и пересмотрела на своем веку достаточно фильмов, чтобы понимать, что тюремные драки — явление такое же частое, как грязь, и не собиралась позволять надрать себе задницу в первый же день в тюрьме.

— Ты это серьезно или нет? — нервно уточнила я.

— Похоже, что я это серьезно? — спросила она с самым серьезным видом.

— Ладно, это что, такое правило? Это что, здесь все делают? Это типа посвящение или еще что? Мне как-то не хочется в банду. Я просто...

— Давай, леди, сиськи покажь. Скока раз еще говорить!

Руки у меня тряслись, когда я ухватила за нижний край блузы и задрала ее. Постояла с обнаженной грудью около трех секунд, потом одернула рубаху. Снова устроилась на матрасе, ожидая дальнейших распоряжений, но соседка не сказала ни слова. Только продолжала чистить апельсин. Я сидела молча, пытаюсь найти на ее лице хоть какие-то подсказки насчет того, что здесь происходит, но